

ПОЗДРАВЛЯЕМ!
Своим "Двором"
ВВЕДЕННЫЙ ВО ДВОРЯНСТВО

Песенка Булата Окуджавы так легко переосмысливается в судьбе Аркадия Львова. Двор в Авчинниковском переулке, где прошли все его одесские годы, стал не только темой, но и смыслом его творчества. Эти одесские рассказы, как бы воскресившие южнорусскую школу, ввели его в большую русскую литературу, в ее "дворянский сан".

В середине 60-х годов Аркадий Львов был единственным в городе прозаиком, кто чувствовал Одессу, любил ее, понимал одесский язык. И, естественно, его почти нигде в родном городе не печатали. Почти... Потому что была такая газета как "Комсомольская искра", которая делала вид, что не понимает "какое, милые, у нас тысячелетье на дворе". И редакторы В. Николаев, Е. Григорьянц, И. Лисаковский, сменяясь, как эстафетную палочку, передавали газете прозу Аркадия Львовича Бинштейна, укрывшегося под псевдонимом Аркадий Львов от бдящего ока цензуры.

А потом Аркадия Львова полюбила Москва. Конечно, не вся Москва, но В. Катаев, Б. Полевой, А. Твардовский, К. Симонов. Этого уже было достаточно, чтобы печататься в Москве, в самой многотиражной газете "Неделя", быть принятым в московское отделение Союза писателей, но было недостаточно, чтобы получить "красную корочку", а это было обязательным в те времена: Одесса — Киев — Москва. Одесские прозаики не замечали на дух своего коллегу, а когда он им слишком надоел пребы-

ванием в столичной литературе, пошли доносы, один другого страшнее. Аркадий Львов, — докладывали его коллеги, — главарь сионистского подполья в Одессе, представитель клуба "Бабель" в Варшаве. Много позже, разговаривая с польским литератором, Львов узнал, что клуб писателей в Варшаве размещался на Вавилонской улице, а от Вавилонской до Бабе-ля — взмах пера...

Позднее, после четвертой "беседы", генерал Куварзин, возглавлявший одесское КГБ, сквозь зубы скажет ему: "не подтвердилось". И тем не менее — его изгнали из родного города. Хорошо, что к тому времени его уже знали в Европе, была написана первая часть романа "Двор"...

Одно из самых страшных воспоминаний. Хоть рукописи ему разрешили вывезти, таможенники по листику разбрасывали книгу. К молодому офицеру подошел сослуживец, ветеран, и тихо сказал: "Ты совсем очумел? Ведь ты человеческие мозги пускаешь по ветру!".

Разные были люди. Это навсегда запомнил Аркадий. И его эмигрантские рассказы не желчные, а мудрые, как и велит Одесса.

В эмиграции был дописан роман "Двор", принесший ему успех, славу, награды.

Вот только два отзыва.

Нина Берберова: "Аркадий Львов — явление уникальное в американском, да и не только американском русском зарубежье..."

Айзек Башевич Зингер, лауреат Нобелевской премии: "Двор" — наивысшее достижение Аркадия Львова и, одновременно, одно из самых фундаментальных произведений современной литературы".

В 1976 году Аркадий Львов покинул Одессу. Работал в Вильсоновском центре, Гарвардском центре, но прежде всего писал. С 30 ноября 1976 года его голос зазвучал на радио "Свобода". Он работал для русской и украинской редакции, так как знал и языки, и проблематику. И за эти годы, кроме создания рассказов, романов, писатель непрерывно работает на "Свободе", он выпустил 8 000 программ — это 20 000 страниц текста!

В 1990 году, когда появилась возможность приехать в СССР, он прилетел в Москву, а затем в Одессу. Родной город притягивал его своей легендой, своей историей. Это была основа его литературы, здесь жили герои его "Двора".

Сколько раз он приезжал за эти годы в Одессу — не пересчитать. Посол мира. Посол экономических отношений. Посол литературы. Когда-то секретарь обкома партии Лидия Всеволодовна Гладкая, иронически улы-

баясь, говорила ему, что писатели жалуются — он "непристойно много пишет". Отшутился и Аркадий: "Жизнь — не удалась, нужно работать на бессмертие".

И вот, в декабре 2002 года он вновь в Одессе. Решением жюри при горсовете стал одним из "Одесситов года". Это для него почетно. Ведь в основе — жизнь его двора, век его двора.

"Двор" все еще не окончен. Но роман будет завершен. Это цель жизни. Двор возвел его в литературное дворянство. Он отплатил ему тем же, — прославив Одессу, Авчинниковский переулок, бабушку Малую на весь читающий мир.

В Одессе вышел шеститомник Аркадия Львова. Только что издательство Ивана Захарова в Москве выпустило отдельной книгой две части "Двора". Можно уже жить с гонораров, со славы. А писатель "непристойно много пишет". И звучит его голос на "Свободе", и знакома с ним каждая семья, новые поколения семейств его двора.

Быть может, поэтому он так уверенно чувствует себя, когда говорит с руководителем Пен-клуба России Андреем Битовым или городским головой Одессы Русланом Боделаном. У Львова своя миссия: вернуть Одессе ее образ, ее славу.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Лиза КОВАЛЬ, студентка Одесского национального университета

Как объяснить Норвегию?

Недавно на паре английского языка наш преподаватель попросила нас рассказать о самом счастливом дне нашей жизни. От неожиданности и сложной простоты вопроса все задумались и притихли.

Самый счастливый день... Непросто ответить вот так, сразу!

Занятия закончились, одни события сменили другие. А этот вопрос все не выходил у меня из головы.

Уже по дороге домой я поняла, что все-таки знаю, какой день из моей жизни я назвала бы самым счастливым.

Это был четвертый день моего недельного пребывания в удивительной стране Норвегии.

Рюкзак, мой верный друг-фотоаппарат, — и я пускаюсь в путь по солнечному, совсем несевверному утру. Оно тянется вдоль главной улицы города Осло, заворачивает к набережной и останавливается на противоположной стороне залива, где уже начинаются знаменитые фиорды — скалы, покрытые лесами.

Я иду на свой любимый причал. Там стоят пришвартованные старинные яхты XVIII-XIX веков. Солнце, отражаясь в зеленой воде, играет на деревянных бортах яхт. Слегка трогает медные приборы, оживляет сухие карты в каютах и рубках. На причале пахнет влажными палубами, сажей пароводных труб и свежей рыбой. Ее продают тут же, присыпанную крупными кристаллами соли.

Рыжие бородатые шкиперы дряют палубы, пыхтя трубками. Я теряю ощущение реальности, забывая город, год и страну... Вспоминаются рассказы Константина Паустовского про шумные портовые города, где живут смелые люди с открытыми сердцами и обветренными лицами.

Пролетают альбатросы с хищными клювами, садятся на головы медных, позеленевших от просоленных ветров, памятников королям и адмиралам. Скрипят цепями яхты у причалов, навевая мысли о том, как велика и прекрасна жизнь, сколько еще предстоит узнать, пережить, прочувствовать и понять.

Не хочется уходить, покидать этот мой причал, эти яхты, каждая частичка которых уже навсегда сохранена моей камерой, но жажда новых кадров, новых ощущений увлекает дальше. Сопротивляться ей невозможно.